

— Перестаньте бить моего третьего сына! Если убьёте его — я с вами не посчитаюсь! — закричала старая госпожа Линь. Всё-таки родная плоть и кровь! Увидев, что сына всё ещё хлещут кнутом, она решила рискнуть и подать голос. Она не знала Ма Саня, но почувствовала разницу: это были не солдаты, а, скорее всего, чиновники из управы. А с ними, по её разумению, можно хоть немного поторговаться — потому она и осмелилась выкрикнуть пару фраз.

Хотя и только эти две фразы.

Она всё же не решалась всерьёз вызывать гнев явно разъярённых служителей закона.

— «Не посчитаюсь» — так и быть! — Ма Сань выглядел грозно, словно одинокий волк, которого довели до ярости.

Вэнь Жунь с удивлением наблюдал за ним: «Неужели Ма Сань такой преданный друг?»

Ван Цзюнь вытер пот со лба:

— Ма Сань, отведи этих людей в управу. Скажи, что род Линь оскорбил цзюйжэня Вэнь Жуня и в деревне Ляньхуаао пытался похитить порядочную женщину. Передай всё уездному чиновнику — пусть разбирается сам. Не нужно привлекать сельских старейшин: они с таким делом не справятся.

Старейшины, как известно, мастера «размазывать грязь»: всё превратят в ничто, замнут, замяли — и дело с концом.

Но здесь замешан Вэнь Жунь — цзюйжэнь! Как простой крестьянин посмел так нагло его оскорбить, да ещё и у самого порога?! Совсем жизни не дорожит!

«А если бы со мной что-то случилось, — думал Ван Цзюнь, — с таким хрупким, как Вэнь Жунь, и вовсе бы расправились!»

Перед глазами у него всё ещё стояла картина: Вэнь Жуня грубо толкнули, и он рухнул на землю. Если бы не староста Чжан, смягчивший падение, хрупкие кости Вэнь Жуня наверняка сломались бы!

— Есть, господин байху! — Ма Сань отдал чёткий приказ. Солдаты мгновенно связали троих из рода Линь, заткнули им рты и посадили в их же повозку — как раз на всех троих.

Ма Сань оказался человеком решительным. Уже собираясь уезжать, он обернулся и бросил взгляд на Лю Цуйхуа.

Та всё ещё не пришла в себя от потрясения. Лицо её и без того было бледным, а теперь побелело до такой степени, что даже румяна не могли скрыть этого. Руки дрожали.

Страх в её глазах ещё не рассеялся — она и представить не могла, что Линь Сань-эр окажется настолько бесчестным и действительно посмеет схватить её за руку.

Когда Ма Сань увёл пленных, староста Чжан пригласил всех в деревню.

У Вэнь Жуня подкашивались ноги, но он мог идти сам. Тем не менее Ван Цзюнь всё равно поддерживал его, провожая до дома.

По дороге Вэнь Жунь несколько раз оглядывался:

— Откуда столько народу? И... Ма Сань назвал тебя «байху»?

Ведь «шичжан» командует примерно сотней солдат, но это неофициальный титул, не входящий в систему чинов. А «байху» — совсем другое дело.

Байху управляет десятью шичжанами, и это уже официальный военный чин с присвоенным рангом.

Пусть и низким — всего шестого ранга, но всё же должность государственного чиновника!

И Ван Цзюнь получил её сразу — даже без испытательного срока в качестве «исполняющего обязанности байху».

— Это за боевые заслуги, — с лёгкой гордостью ответил Ван Цзюнь. — Сказали, что подвиг слишком велик, чтобы не наградить должностью. Так что теперь я чиновник! К тому же, я приехал тебе кое-что передать. По уставу армии, часть награды полагается и тебе.

— Но ведь управа уже наградила меня, — заметил Вэнь Жунь, глядя на отряд из более чем пятидесяти человек и тридцать с лишним повозок.

Каждая повозка была доверху загружена — колёса глубоко врезались в землю, лошади тянули с трудом: груз был очень тяжёлым!

— Это совсем другое, — пояснил Ван Цзюнь. — То, что дала управа, — это лишь награда уездного уровня. А вот это — от армии. Награды от префектуры и двора ещё в пути.

— Да уж, это немало! — староста Чжан и другие односельчане с завистью смотрели на обоз.

— Награды получили все, — добавил Ван Цзюнь. — Просто у Вэнь Жуня их больше. Но каждому дому достанется по одной повозке.

Он махнул рукой на обоз:

— Забирайте по одной повозке на семью. Лошадей и повозки оставляем вам — нам они не нужны.

Хотя повозки и хороши, лошади уже не первой свежести — это списанные армейские кони.

Но Ван Цзюнь решил сделать односельчанам подарок: пусть уж лучше послужат на гражданке! Эти кони, конечно, не годятся в кавалерию, но для тягловой работы — в самый раз. Лет десять-восемь ещё потянут, да и жеребят могут дать.

А раз даром — кто откажется?

Тридцать повозок разъехали по деревне, две достались дому старосты.

Остальные — семье Ванов — загнали прямо во двор.

Вся семья высыпала встречать гостей. Нанятые работники помогали разгружать повозки и складывать всё в амбары.

И что там только не было! Одних шёлков и парчи — целых четыре повозки! Плюс продовольствие.

Ван Цзюнь пояснил:

— Я специально запросил припасы. Продовольствия теперь хватит — но собранное зерно назад не вернёшь, так что привёз тебе две повозки белого риса. В доме много едоков — зерно не помешает.

Ещё одна повозка была доверху набита неочищенным рисом — в такой форме он хранится два года, а после очистки почти не отличается от свежего.

Ещё одна — полна разной крупой: много зелёного горошка, красной и белой фасоли.

Отдельно — целая повозка соли, что в те времена было большой редкостью.

Две разделанные тушки жирных свиней, а также куры, утки и гуси.

И только одна повозка значилась как «разное». Но даже в ней лежал подробный список.

Вэнь Жунь раскрыл его и увидел аккуратный, но решительный почерк, будто выведенный мечом на поле боя. Среди прочего значилось:

Два полных комплекта чернил, бумаги, кистей и чернильниц;

Сто золотых слитков по два лян каждый;

Сто серебряных слитков по два лян;

Десять тысяч совершенно новых медяков.

Деньги давали щедро, даже грубо — прямо в лоб, без обиняков.

Ван Цзюнь, видимо, почувствовал, что Вэнь Жунь может обидеться на такую прямолинейность, и поспешил пояснить:

— Это решение самого генерала Дун Хао. Он сказал: «Лучше дать деньги — это самое надёжное». Я в армии, не могу часто навещать дом, а ты здесь один: заботишься о младших, ведёшь хозяйство, учишь учеников... Ты реально устаёшь.

Он указал на принесённый чайный сервиз из мраморовидного камня:

— Это сам великий генерал подарил Дун Хао. Тот им не пользуется и передал тебе.

В комплекте шла ещё и фарфоровая банка для чая с росписью в стиле фэньцай.

Вот это уже подарок по вкусу истинного учёного!

Хотя предметов было немного, Вэнь Жуню понравилось:

— Всё это — в амбар. Пусть готовят ужин. И пригласите тётю Ян помочь на кухне. Сегодня все у нас едят.

— Хорошо! — жена Чэнь Цяна тут же увела тётушку Цуйхуа переодеваться: в таком наряде уж точно не поработаешь.

Вэнь Жунь видел, как они ушли вместе с тётей Ян, а вскоре к ним присоединились старуха Чжан с невесткой. Он повернулся к Чэнь Сюю, который как раз подавал чай и сладости, и

спросил:

— Этот наряд — идея твоей матери? Отличный вкус!

— Да, мама сказала: «Пусть Линь Сань-эр до конца жизни кается!» — красивое личико Чэнь Сюя приняло свирепое выражение. — Развелся — и всё! А он ещё сюда лезет! Пусть теперь мучается, пусть поймёт, что бросил арбуз, а подобрал чёрный кунжут. Так мы и отомстим за тётушку Цуйхуа!

— Ну уж отомстили... — Вэнь Жунь покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать. — Тот негодяй в самом деле схватил тётушку Цуйхуа без всяких церемоний! Почти увёл нашу прекрасную Цуйхуа! Зачем вы всё это затеяли?

Наряд, конечно, получился великолепный — Лини от злости чуть не лопнули, да и вытянули при этом важную информацию: оказалось, что Линь Сань-эр уже давно состоял в связи с той вдовой, и когда Лю Цуйхуа изгнали, у той уже был пяти месячный срок!

Совершенно ясно, что род Линь был не прав. А теперь, спустя два года после развода, ещё и появился похищать женщину!

Вэнь Жуню очень хотелось знать: кто же вдохновил их на такую наглость? Неужели сама прекрасная Лян?

— А?! — Чэнь Сюй вдруг сообразил. — Тогда я пойду посмотрю, как там они! — Он поставил поднос и умчался.

Вэнь Жуню пришлось самому разливать чай. Но тут он заметил, что его маленький ученик совсем не зря трудился: на улице для всех приготовили отвар из зелёного горошка, и в доме — тоже. В чайнике была не заварка, а именно этот прохладительный напиток.

— Тебя сильно напугало? — спросил староста Чжан, на сей раз не жалуясь и не ныряя в слёзы, а ловко сняв обувь и запрыгнув на кан.

В доме все окна и двери были распахнуты, но закрыты тонкой прозрачной тканью — своего рода «антикомариными сетками» в древнем стиле, изобретёнными самим Вэнь Жунем. Хотя использовать лёгкий шёлк для окон и было роскошью, другого подходящего материала он не нашёл — пришлось побаловать себя.

Всё-таки он цзюйжэнь! Нельзя же быть только «на словах» — надо и жить с достоинством, с изысканностью.

Поэтому летом окна в его доме и в частной школе всегда завешивали такой тканью.

К тому же шёлк отлично пропускал воздух. Когда дул сквозняк, высокие потолки делали комнату на несколько градусов прохладнее, чем снаружи. В такой комнате могли свободно разместиться семь-восемь человек — и никому не было жарко.

— Мне показалось, будто кто-то сзади сильно дёрнул меня — и я упал. Да, было страшно, но теперь всё в порядке... Это ведь вы, дедушка? — Вэнь Жунь был слишком умён, чтобы не понять: старик явно сделал это нарочно.

И действительно, староста Чжан тут же признался:

— Конечно, нарочно! Я уже увидел, что Ван Цзюнь и Ма Сань подъезжают — отличный момент! Род Линь слишком обнаглел. Я подумал: пусть уж тогда и тебя потреплют! Посмотрим, как теперь управа отреагирует. Если бы только я один устроил цирк, старейшины бы всё замяли. А раз пострадал и ты — цзюйжэнь! — старейшины уже не смеют вмешиваться. Дело пойдёт прямо в управу!

— Так вы меня использовали в своей «инсценировке»? — Вэнь Жунь снова не знал, плакать или смеяться. — Неужели дошло до этого?

— Обычно — нет. Но сегодня, увидев эту старую ведьму Линь, я понял: да, дошло! — Староста Чжан с наслаждением хлебнул отвара. — К тому же вернулся мальчик Цзюнь. Отличный повод! Пусть теперь наша деревня Ляньхуаао держит спину прямо!

— Да, я за вас «выпрямляю спину», — подхватил Ван Цзюнь, всё ещё немного тревожась. — Только в следующий раз не делайте так! А то Вэнь Жунь ещё ушибется — у него же телосложение хрупкое! Что будет, если с ним что-то случится?

— В следующий раз такого не будет, — заверил староста. — Сегодня надо добить род Линь раз и навсегда. Упускать шанс — нельзя. Эта старая ведьма Линь становится всё наглей и наглей.

Вэнь Жунь тоже задумался:

— Зачем им так упорно возвращать тётушку Цуйхуа? Прошло же два года с развода — только сейчас раскаиваться?

— Кто их знает! — Староста Чжан посмотрел на Ван Цзюня.

Вэнь Жунь вдруг заметил: Ван Цзюнь до сих пор не переоделся, и его одежда уже не та, что была у шичжана. Да и сшита она явно недавно!

Пусть на ней и виднелись пятна от пота после долгой дороги, это ничуть не портило её великолепия.

По сравнению с серыми, невзрачными мундирами простых солдат и даже с более нарядной формой шичжана, одежда байху уже была настоящей офицерской униформой.

Вернее, не гражданской, а военной.

Серебристо-белая ткань, словно отполированный металл, переливалась на солнце — Вэнь Жунь это заметил ещё по дороге домой.

А поверх одежды на Ван Цзюне был надет серебристо-серый кольчужный доспех — без рукавов, как жилет, но с наплечниками, доходящими до пояса. Это был полудоспех, защищавший туловище почти до бёдер.

На поясе — широкий ремень из бычьей кожи с массивной пряжкой, а ниже — кольчужная юбка и штаны, на ногах — кольчужные сапоги.

По уровню защиты кольчуга не сильно уступала чешуйчатому доспеху, но была гораздо легче и удобнее в носке.

— Тебе же жарко в этом! Снимай скорее! — Вэнь Жунь сам потянулся снять с него доспех. Он впервые видел такую кольчугу и был очень любопытен — хотел как следует её рассмотреть.

Ван Цзюнь послушно позволил ему возиться с доспехом и даже поднял руки, чтобы было удобнее.

Пользуясь моментом, он пояснил:

— Со временем кольчуга пачкается — землёй, потом, ржавчиной. Если её не чистить, носить очень некомфортно. Но стирают её не водой, а чистым мелким песком. Берут большую деревянную бадью, насыпают туда песок, кладут кольчугу и долго мешают и трут её деревянной палкой — так она снова становится блестящей, как новая.

— Правда? — Вэнь Жунь припомнил кое-что. — Я думал, используют золу...

— Золу — для медных доспехов, — Ван Цзюнь наконец снял кольчугу. — Их просто протирают насухо — и они сразу сверкают.

Под доспехом оказалась лёгкая рубашка. Вэнь Жунь взглянул и сказал:

— Беги скорее в дом, переодевайся. Пусть постирают эту одежду, а наденешь уже перед отъездом. Выглядишь в ней гораздо лучше, чем раньше.

— Хорошо, — кивнул Ван Цзюнь и направился в западную комнату главного дома второго двора.

Вэнь Жунь жил в восточной комнате того же двора.

Комната Ван Цзюня была обустроена почти так же, как и его собственная. В ней стояли четыре больших шкафа, но одежды в них было немного — всего по несколько комплектов на каждый сезон, ведь Ван Цзюнь большую часть времени проводил в армии.

В сундуке у кан лежали также майки и нижнее бельё, а также белоснежное нижнее платье (чжуньи).

В шкафу у двери стояло больше десятка пар обуви, включая несколько кожаных сапог.

А в подвесном шкафу наверху хранилось семь-восемь головных уборов. В общем, всё было продумано до мелочей.

Поменяв одежду, Ван Цзюнь вышел, держа в руках грязные вещи. Он сам нашёл таз с тёплой водой, нагретой на солнце, и принялся стирать. Он умел стирать — особенно свою личную одежду, ведь среди неё было и нижнее бельё. Принеся мыльный раствор из плодов мыльного дерева (цзаожзя), он отказался от чужой помощи и сам всё выстирал, после чего повесил сушиться.

Когда он закончил, в доме уже накрывали столы к ужину.

Из двух жирных свиней, привезённых Ван Цзюнем в качестве награды, уже приготовили множество блюд.

На кухне царило настоящее оживление: женщины жарили, тушили, варили и запекали, работая не покладая рук. Даже Лю Цуйхуа сияла от радости — все женщины восторгались её сегодняшним нарядом и макияжем, восхищённо повторяя: «Какая же ты красивая!»

К вечеру всех пятидесяти с лишним прибывших с Ван Цзюнем усадили за столы. Хотя летом и было чем поживиться — мясо на столе, но от жары аппетит пропал.

Поэтому блюда подавали очень интересные — лёгкие, освежающие и не слишком жирные.

<http://bllate.org/book/15642/1398121>